

КОЛИН ГУВЕР

**БЕЗ
НАДЕЖ-
ДЫ**

**МОСКВА
2024**

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Г93

Colleen Hoover
HOPELESS

Copyright © 2013 by Colleen Hoover
Cover © Reilika Landen / Arcangel

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:
© Dmitriy Depakin / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского *Алины Сафроновой*

Гувер, Колин.

Г93 Без надежды / Колин Гувер ; [перевод с английского А. Сафроновой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 480 с.

ISBN 978-5-04-209820-8

В один день жизнь Скай переворачивается с ног на голову – она встречает Дина Холдера. Он пугает и завораживает девушку. И хочет знать о ней все. Дину удастся дотянуться до струн ее души, которых никто другой даже не смел коснуться, – и Скай теряет броню.

Так на поверхность всплывает то, что девушка прятала глубоко внутри; воспоминание о болезненном прошлом, которое снова начинает ее беспокоить.

Только столкнувшись с правдой лицом к лицу, не отказываясь от любви и доверия, Скай и Холдер смогут спасти друг друга.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Сафронова А.,
перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке,
оформление. «Издательство «Эксмо», 2024

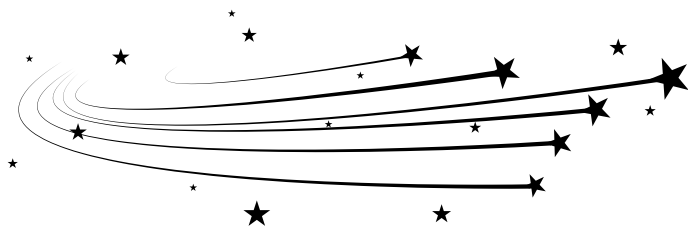
ISBN 978-5-04-209820-8

Это художественное произведение.
Все ссылки на исторические события, настоящих людей
или места используются в вымышленном контексте.

Другие имена, персонажи, места и события –
плод авторской фантазии,
и любое совпадение с существующими событиями,
местами, живыми
или мертвыми персонами случайно.

Вэнсу.

*Одни отцы дают жизнь.
Другие учат, как ее прожить.
Спасибо тебе за второе.*

28 октября 2012 года
Воскресенье
19:29

Я встаю и смотрю на кровать, затаив дыхание
в страхе перед звуками, что рвутся из моего горла.

Я не заплачу.

Не заплачу.

Медленно опустившись на колени, кладу ладони на край постели и поглаживаю желтые звезды, рассыпанные по темно-синему фону стеганого одеяла. Я смотрю на звезды до тех пор, пока они не начинают расплываться из-за подступивших к глазам слез.

Зажмурившись, зарываюсь лицом в одеяло и комкаю его в кулаках. Плечи трясутся от судорожных рыданий, которые я безуспешно пытаюсь сдержать. Вскочив на ноги, я кричу, срываю одеяло и швыряю его через комнату.

Сжимая кулаки, яростно смотрю по сторонам — чего бы еще бросить? Схватив подушки, швыряю их

в зеркало, в котором отражается незнакомая мне больше девушка. Она смотрит на меня, горько рыдая. Меня бесят ее слезы слабости. Мы бросаемся навстречу друг другу и сталкиваемся кулаками, разбивая стекло. Девушка разлетается на миллионы сверкающих осколков и осыпается на ковер.

Берусь за края комода, толкаю его и снова кричу, выпуская наружу то, что так долго копилось. Комод лежит, а я выдергиваю ящики и разбрасываю их содержимое по комнате, кружась, швыряя и пиная все, что попадаете мне на пути. Вцепляюсь в прозрачные голубые шторы и тяну их, пока они не соскальзывают с карниза, опускаясь на пол вокруг меня. Хватаю верхнюю из стоящих в углу коробок и, даже не заглянув внутрь, бросаю о стену со всей силой, на которую способно мое тело пяти футов и трех дюймов¹ ростом.

— Ненавижу тебя! — кричу я. — Ненавижу, ненавижу, ненавижу!

Швыряюсь всем, на что падает взгляд, и, открывая рот для очередного крика, ощущаю на губах соленый привкус струящихся по щекам слез.

Сзади меня неожиданно обхватывают руки Холдера и крепко сжимают, не давая двигаться. Я еще пытаюсь дергаться, изворачиваться и визжать, пока не понимаю — я действую на автомате.

— Перестань, — спокойно произносит он мне на ухо, не ослабляя хватки.

¹ Пять футов и три дюйма — примерно 160 см. (Здесь и далее — примечания переводчика.)

Без надежды

Я притворяюсь, будто не слышу. Или мне безразлично. Я бьюсь в его руках, но он лишь крепче сжимает объятия.

— Не трогай меня! — кричу я во все горло, вцепляясь ногтями в его руки, только ему плевать.

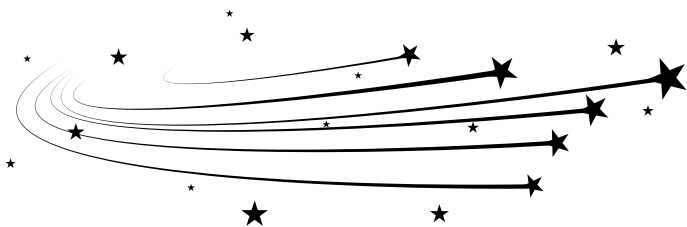
«Не трогай меня. Пожалуйста, ну пожалуйста».

Эхом отдается в ушах тоненький голосок, и я сразу обмякаю в руках Холдера. Мои силы утекают вместе со слезами. Я становлюсь сосудом для слез, которые все не прекращаются.

Я слаба и позволяю *ему* победить.

Ослабив хватку, Холдер поворачивает меня к себе лицом. Не в силах даже поднять глаза, я в изнеможении вцепляюсь обеими руками в его рубашку и рыдаю, припав щекой к груди там, где бьется сердце. Он кладет мне руку на затылок и наклоняется к уху.

— Скай, — произносит он ровным, бесстрастным голосом. — Нужно уходить. Сейчас же.

25 августа 2012 года
Воскресенье
23:50

Два месяца назад...

Хочется верить, что большинство решений, принятых мной за семнадцать лет жизни, были разумными. И если их положить на весы, они перевесят несколько глупых поступков. Тогда завтра мне предстоит совершить вагон и маленькую тележку умных дел, потому что я в третий раз за месяц выпускаю Грейсона в свою спальню через окно, и это способно лечь камнем на чашу весов тупости. Впрочем, единственная точная оценка степени глупости поступков — это время... Так что поживем — увидим, успею ли я выровнять весы до того, как ударит о стол молоток судьбы, подтверждая обвинительный приговор.

Как бы это ни выглядело со стороны, я не шлюха. Если только не считать ею ту, которая встречается

Без надежды

чуть ли не со всеми подряд, даже не испытывая к ним влечения. В таком случае нам есть о чем поспорить.

— Быстрее! — одними губами произносит Грейсон за закрытым окном, раздраженный моей неспешностью.

Я отодвигаю защелку и тихо-тихо поднимаю окно. Карен, может, и нетипичная мать, но на парней, лезущих ночью в окно спальни, она реагирует стандартно — осуждает.

— Тише! — шикаю я.

Грейсон подтягивается, закидывает ногу на оконный выступ и влезает в мою спальню. Хорошо, что окна на этой стороне дома всего в трех футах от земли — почти как личная входная дверь. Наверное, мы с Сикс чаще пользуемся окнами, когда ходим друг к другу в гости, чем дверьми. Карен привыкла и даже не спрашивает, почему мое окно почти всегда открыто.

Прежде чем задернуть штору, я смотрю на окно спальни Сикс. Она машет мне одной рукой, а другой тянет за плечо Джексона, который лезет в ее спальню. Благополучно забравшись внутрь, он тут же снова высовывает голову наружу и громко шепчет Грейсону:

— Встречаемся через час у твоего пикапа.

Затем закрывает окно спальни и задерживает шторы.

Сикс въехала в соседний дом четыре года назад, и с тех пор мы неразлучны. Окна наших спален расположены одно напротив другого, что исключительно удобно. Все начиналось довольно невинно: когда нам

было по четырнадцать лет, я влезала к ней в окно, мы таскали из холодильника мороженое и смотрели кино. В пятнадцать мы тайком впускали через окно мальчишек, чтобы есть мороженое и смотреть кино уже с ними. В шестнадцать мальчишки вышли на первый план. Теперь, когда нам по семнадцать, мы не выйдем каждая из своей спальни, пока мальчишки не уйдут восвояси. Вот тогда мороженое и кино снова становятся главным.

Сикс перебирает парней, как я марки мороженого. Сейчас ее марка месяца — Джексон. Моя — «Роки роуд»¹. Грейсон и Джексон закадычные друзья, именно это поначалу и свело нас. Когда у очередного увлечения Сикс есть сексапильный друг, она оставляет его на мою милость. А Грейсон — довольно горячая штучка. У парня шикарное тело, небрежно уложенные волосы, жгучие черные глаза... в общем, полный набор. Большинство знакомых мне девчонок были бы счастливы просто оказаться с ним в одной комнате.

Жаль, что мне это не нужно.

Задернув шторы, поворачиваюсь и оказываюсь нос к носу с Грейсоном, который готов действовать. Он берет мое лицо в ладони и соблазнительно улыбается.

— Привет, красотка.

Я не успеваю ответить, как его влажные губы прилипают к моим. Не прерывая поцелуя, он ведет меня к кровати, по пути сбросив обувь. Поразительно, до

¹ «Роки роуд» — шоколадное мороженое с орехами и маршмеллоу.

Без надежды

чего согласованно и легко он все это проделывает. Бесит. Он медленно укладывает меня на кровать.

— Дверь закрыта?

— Проверь на всякий случай.

Чмокнув меня в губы, он вскакивает и уходит, чтобы убедиться в этом. Я тринадцать лет живу с Карен, и она меня еще ни разу не наказывала. Не хотелось бы дать ей повод. Через несколько недель мне исполнится восемнадцать, но даже тогда она вряд ли сменит воспитательные методы, раз уж я живу под ее крышей.

Не то чтобы ее методы плохи. Просто они... очень противоречивы. Сколько я ее помню, она всегда требовательна ко мне. У нас никогда не было интернета, мобильных телефонов и даже телевизора, потому что Карен считает технику источником мирового зла. И вместе с тем она до крайности снисходительна в отношении других вещей. Мама спокойно отпускает меня к Сикс, и пока она знает, где я, у меня нет комендантского часа. Может, он и есть, просто я не в курсе, потому что еще ни разу не злоупотребляла доверием Карен.

Ее не беспокоит, что я ругаюсь, правда, я это делаю редко. Она даже позволяет мне порой во время ужина пить вино. И общается со мной как с подружкой, а не так с дочерью (пусть она и удочерила меня тринадцать лет назад). Карен ухитряется так повернуть разговор, что я выбалтываю ей о себе все... ну почти все.

У нее нет полумер. Она либо слишком снисходительна, либо слишком строга. Совсем как консервативный либерал. Или либеральный консерватор. Понять ее — гиблое дело, я давно уже бросила эту затею.